

Е.В. КОРЕНЬ

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
В МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

E. V. KOREN

**POLITICAL, LEGAL AND MORAL VALUES IN MENTALITY
RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE FIRST QUARTER
OF THE 19TH CENTURY**

В статье рассматриваются во взаимосвязи политико-правовые и моральные ценности в менталитете русской интеллигенции первой четверти XIX в. Много ценной информации по данной проблеме содержат материалы движения декабристов, создавших ряд конституционных проектов, политико-правовых трактатов, открыто выступивших против самодержавно-крепостнических порядков, оказавших влияние на политические устроения, правосознание и судьбы передовой интеллигенции. Относительная новизна статьи состоит в освещении связи политико-правового и морального аспекта менталитета интеллигенции. Тема актуальна в свете современных поисков ценностных оснований общества и развития его политико-правовой культуры. Материалы могут быть полезны для подготовки статей, лекций и семинаров по социально-гуманитарным курсам.

The article considers the interrelation of political, legal and moral values in the mentality of the Russian intelligentsia of the first quarter of the XIX century. A lot of valuable information on this issue contains the materials of the Decembrist movement, which created a number of constitutional projects, political and legal treatises, openly opposed the autocratic and serf orders, which influenced the political mentality, legal consciousness and the fate of the advanced intelligentsia. The relative novelty of the article is to highlight the relationship of political, legal and moral aspects of the mentality of the intelligentsia. The topic is relevant in the light of modern searches for the value foundations of society and the development of its political and legal culture. The materials can be useful for the preparation of articles, lectures and seminars on social and humanitarian courses.

Ключевые слова: интеллигенция, декабристы, менталитет, политика, право, моральные ценности.

Key words: intelligentsia, Decembrists, mentality, politics, law, moral values.

Интеллигенция в России изначально выступала как политически активная общественная группа, определявшая общественные ценности нормы и традиции [1, с. 65]. Принадлежность к интеллигенции в России с XIX в. определялась приверженностью к идее «общественного блага», духовным ценностям. Первым в России широким движением за политические и гражданские права народа явились декабристские общества. Декабристы – это дворяне, «вольно отрехшиеся от своих сословных ценностей», говоря словами Н.А. Бердяева [2, с. 70]. Они открыто и последовательно выступили в декабре 1825 г. во имя общенациональных интересов, уничтожения крепостного права, самодержавного произвола, положили тем самым начало освободительного движения интеллигенции.

Первая четверть XIX в. была отмечена всплеском реформаторских настроений в обществе, попытками либеральных реформ, решения крестьянского вопроса (пересмотра крепостнических порядков) правительством Александра I, патриотическим и национально-культурным подъемом после Отечественной войны 1812 г. В этот период в образованных кругах общества особенно интенсивно происходил процесс переосмысления ценностных приоритетов, прежде всего – понятий о справедливости, достоинстве и правах человека, о свободе личной и политической. Идеи о достижении социальной справедливости, поиски средств и путей улучшения положения народа, преодолешего наполеоновское завоевание, перенесшего тяготы войны и её экономические последствия, но испытывавшего крепостнический гнёт, ужасы «военных поселений» и другие несправедливости, занимали многие умы. Это явилось одним из веских оснований декабристского заговора. Декабрист Н.В. Басаргин вспоминал, что «в России, несмотря на приобретенную ею военную славу счастливым исходом борьбы с Наполеоном, внутренняя ее организация, общественное и нравственное ее положение, ее правительственные формы и, наконец, ее малое развитие в отношении умственного образования явно бросались в глаза каждому просвещенному и благомыслящему человеку и невольно внушали ему желание изменить или, по крайней мере, исправить по возможности этот порядок» [3, с. 56]. Н.И. Тургенев, находившийся за границей в период междуцарствия и выступлений декабристов в 1825 г., но заочно привлечённый к следствию, писал в своём «оправдании», переданном на имя императора А.И. Тургеневым в мае 1826 г., что главная мысль, привлекавшая его в круги тайных обществ состояла в «уничтожении крепостного состояния в России» [4, т. 15, с. 275]. М.А. Фонвизина возмущало «рабство огромного [бесправного] большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол...» [5, т. 1, с. 371].

В.О. Ключевский, характеризуя впоследствии выступление декабристов, справедливо видел в нем «нравственно общественный симптом, вскрывший обществу недуги, которых оно само в себе не замечало» и «целое настроение, охватившее широкие круги» [6, т. 5, с. 428]. Властный произвол, крепостнические порядки, несправедливость судов, казнокрадство и т.п. зло российской действительности осуждали и искали пути и способы искоренить многие представители интеллигенции – и либералы, и консерваторы. Среди них – Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов и др. Грибоедов вложил в уста героя «Горя от ума» Чацкого гневную речь против общественных пороков: «Где, укажите нам, отечества отцы, // Которых мы должны принять за образцы? // Не эти ли, грабительством богаты?// Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве, // Великолепные соорудя палаты, // Где разливаются в пирах и мотовстве?» [7, с. 65]. Духовно близкий декабристам поэт и общественный деятель П.А. Вяземский, принимавший активное участие в разработке «Уставной грамоты» в александровское царствование, был последовательным противником крепостного права и самодержавной формы правления [8, с. 34–38]. Для Вяземского 14 декабря было «страшным судом для дел и мнений и помышлений настоящих и давно прошедших». Казнь и наказания декабристов он считал «несоразмерными преступлениям, из коих большая часть состояла в одном только умысле» [9, с. 81]. Вяземский считал «рабство» единственной «революционной стихией» в России [8, с. 220–221].

Сознание необходимости для страны общественно политических преобразований во многом определило и государственную политику правительства Александра I (открытие лицеев, институтов и т.д. для подготовки просвещённых кадров), и потребность молодых дворян, офицеров, изучать политические и экономические науки. И.Д. Якушкин и С.П. Трубецкой вспоминали, что офицеры после войны 1812 г. усиленно изучали науки, имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [10, с. 382–383], [11, т. 1, с. 86–87]. По меткому замечанию Ю.М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [12, с. 194]. В.И. Штейнгель писал об учениках Лицея, что «свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет» [4, т. 14, с. 188]. Действительно, выпускники учебного заведения, в котором они слушали «Право естественное» профессора А.П. Куницына, должны были взирать на торговлю людьми и произвол властей отрицательно. Будущие участники и идеологи движения декабристов изучали отечественные законодательные акты и проекты («Наказ» Екатерины II, «Рассуждение о непременных государственных законах» Д.И. Фонвизина, текст «Уставной Грамоты» Александра I 1820

г. и др.), достижения западной политико-правовой мысли, конституции Франции, США и др. стран, что определило их вклад в развитие политико-правой культуры и правосознания русского общества [13, с.107–108].

Нравственная атмосфера учебных заведений способствовала возникновению в московском Училище колонновожатых юношеского «собратства» (организованного будущим государственным и военным деятелем Н.Н. Муравьевым-Карским). Члены кружка мечтали создать на диком острове республику, образовав из его жителей граждан, для которых Н.Н. Муравьев написал «законы» в духе «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо [14, с. 78–79]. Такая мысль, как справедливо заметила М.В. Нечкина, могла возникнуть только у того, кто «недоволен окружающей его жизнью и строем» [15, т. 1, с. 104]. Эти утопические мечтания и «юные забавы» стали своеобразным прологом для последующей политической борьбы за преобразование общественно-политического строя в России.

В менталитете передовой интеллигенции первой четверти выразительно прослеживается взаимосвязь духовно-моральных, социальных, политико-правовых ценностных приоритетов. Так, декабрист Д.И. Завалишин подчёркивал, что «признавал только одну честность», «считал нечестным делом не только одно присвоение денег, но и всякую несправедливость для личной цели». Он поражался, что «можно быть честным в одном деле и нечестным в другом, платить карточный долг равному себе и не платить мастеровому, говорить об улучшении быта народного и в то же время распутствовать, развращая народ и соблазняя его собственным примером и тем отравляя нравственность в самом жизненном источнике ее, упрекать народ в пьянстве и самому участвовать в оргиях» [16, с. 13]. Декабристы видели зло крепостного права в том, что оно унижает человеческое достоинство русских людей. И.Д. Якушкин среди главных «язв» тогдашнего общества выделял: «закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще» [10, с. 383].

Борьба за политическую свободу, уничтожение крепостничества и т.п. проявлений несправедливости рассматривалась декабристами как дело чести. А.Н. Радищев в своё время, напоминая о Пугачеве в «Путешествии из Петербурга в Москву», вопрошал собратий по словию: «неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [17, с. 196]. Декабрист В.Ф. Раевский в рассуждении «О рабстве крестьян», конкретно протестуя против крепостного права, возмущался: «кто дал человеку право называть человека моим и

собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человекoв? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского, скотских страстей и бесчеловечья?» [18, с. 190]. «Союз благоденствия» обязывал своих членoв «заниматься распространением во всех сословиях народа истинных правил добродетели... бороться против пороков... подлости, удовлетворения гнусных страстей, лихоимства и жестокости с подвластными» [19, т. 1, с. 21–23]. Бывший член «Союза благоденствия», П.Я. Чаадаев позже в «Философическом письме» назвал крепостничество позором и главной причиной отсталости России: «сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него, вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели», – писал он [20, с. 60–61].

В момент междуцарствия 1825 г. декабристов толкало на открытое выступление, кроме политических мотивов, и гражданское чувство чести. И.И. Пущин в письме А.С. Пушкину писал, что «ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов» [21, с. 84]. Гражданские чувства и бунтарские настроения подогрeвал факт обхождения правящей династии с престолом Российской империи как с семейной собственностью. Присяга Константину Павловичу сменилась присягой Николаю Павловичу в считанные дни. Понятия «чести» и «долга» обретали у декабристов морально-политический смысл. Если же долг перед отечеством не совпадал с требованием присяги императору, декабристы выбирали то, что им велела честь. Это блестяще выразил арестованный по делу декабристов А.Н. Раевский: «Государь! честь дороже присяги, нарушив первую, человек не может существовать, тогда как без второй он может обойтись еще» [22, с. 54].

Если бы не ситуация междуцарствия, возможно деятельность декабристов сосредоточивалась бы преимущественно на просветительских, общественно-культурных начинаниях. Неспособность правительства к реформам заставила реформаторов превратиться в революционеров [8, с. 197, 312]. Конституционные проекты были созданы Н.М. Муравьевым и П.И. Пестелем только в начале 1820-х гг. До этого были в основном «Уставы» и программы деятельности тайных обществ, члены которых долго жили надеждами на реформаторскую инициативу верховной власти. Споры о путях и средствах преобразований продолжались до декабря 1825 г. Одни (М.Н. Муравьев) предполагали насильственное преобразование самодержавной монархии в конституционную, а другие (П.И. Пестель) склонялись к ликвидации монархического правления вообще. Причем второй вариант вызывал

сильные сомнения и у самого автора [4, т. 7, с. 85–87]. Н.М. Муравьев перешел от идеи республики к идее конституционной монархии, прожив в 1821 – 1822 гг. в провинции и оценив монархические настроения низших слоев общества. Оказали влияние на эту эволюцию и возмущение Семеновского полка, и европейские революции [23, с. 97–100], [24, с. 102–104]. П.И. Пестель – армейский полковник, который имел возможность наблюдать народ, и, очевидно, знал, что вера в царя у крестьян очень глубока, а отношение к дворянам негативно. Это таило в себе опасность и для дворян-заговорщиков, и для страны в случае неудачного развертывания событий предполагаемого переворота. Характерно, что шестую главу своей «Русской правды» («О государственной власти») П.И. Пестель так и не написал, колеблясь между двумя вариантами решения вопроса о форме правления: республиканским и монархическим [4, т. 4, с. 87, 125; т. 7, с. 342–346]. В монархическом варианте полномочия монарха должны были соответствовать президентским. Даже на Петербургском совещании декабристов в 1824 г. П.И. Пестель по существу отстаивал не столько республику, сколько свой аграрный проект и идею сильной централизованной власти [25, с. 92–93]. Он был убежден, что освобождение крестьян без земли и ослабление центральной власти неизбежно приведёт к социальной катастрофе. Надо отметить, что декабристы – дети современников французской революции и русской пугачевщины – хорошо понимали, что переворот может иметь и нежелательные последствия. П.И. Пестель, например, отрицал необходимость пропаганды среди солдат, считая, что их лучше использовать как орудие в организованном перевороте, который должен совершиться без кровопролития и беспорядков [4, т. 4, с. 103–104, 390; т. 9, с. 226–227]. Н.И. Лорер вспоминал, как однажды Пестель, разочарованный деятельностью тайных обществ, между прочим, сказал: «Получая все чаще и чаще неблагоприятные сведения от управ, убеждаясь, что члены общества все более и более охлаждаются к нашему делу... что государь извещен о существовании тайного общества и ждет благовидного предлога, чтоб нас всех схватить, – я решился дожидаться 1826 г., отправиться в Таганрог и принести государю свою повинную голову с тем намерением, чтобы он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений и прав, коих мы добиваемся» [26, с. 349–350].

М.Н. Покровский прав, что декабристов «победил призрак пугачевщины» [27, кн. 3, с. 154], но боялись они за судьбу страны. У декабристов не было беспринципности удачливых организаторов дворцовых переворотов и равнодушия к перспективе больших жертв и моральных издержек революции, которое появилось у последующих поколений революционеров. Позже декабрист М.А. Фонвизин в своём «Обзоре-

нии проявлений политической жизни в России» писал, что участники заговора 1801 г., в отличие от декабристов, стремились к перевороту из страха перед тиранством Павла I и из желания «возвратиться к своему и безнравственному образу жизни времен Екатерины» [28, т. 2, с. 146–147]. А в статье «О коммунизме и социализме» М.А. Фонвизин критиковал средства и способы борьбы новых революционеров, говоря, что «самые попытки осуществить подобные меры угрожают обществу разрушением, возвращением его в состояние дикости и окончатся властью диктатурой одного лица, как необходимым последствием анархии» [28, с. 281–282]. Организаторы декабрьских выступлений 1825 г. стремились, прежде всего, исполнить свой гражданский долг, как они его понимали. Идя на открытый протест против самовластия, они жертвовали собой для блага отечества и народа. Как утверждал М.С. Лунин, декабристы больше всего хотели «водворить в отечестве владычество законов, дабы навсегда отстранить необходимость прибегать к средству, противному и справедливости и разуму» [29, с. 71]. Для него восстание 1825 г. «как факт мало значительно, но как принцип – в высшей степени важно» [29, с. 137].

Многие декабристы искренне верили намерению Николая I провести в стране необходимые реформы. Эта вера заставляла их (А.А. Бестужева, Н.И. Штейнгеля и др.) писать письма с рекомендациями и проектами государственных, социально-экономических, культурных преобразований на имя императора и крупных государственных чиновников. Так, Штейнгель призывал царя «водворить правосудие... преобразовать города введением гражданских прав...» и т.д. [30, с. 224]. На основании декабристских наблюдений и предложений был подготовлен правителем дел следственной комиссии по делу декабристов А.Д. Боровковым «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», к которому впоследствии нередко обращался император Николай I.

Итак, русская интеллигенция первой четверти XIX в. культивировала социально-политические и духовно-моральные ценности, идеи политической свободы, естественных прав, человеческого достоинства, социальной справедливости, что наиболее ярко это выразилось в политическом движении декабристов. Система принятых декабристами морально-ценностных установок определила их исторически ответственное поведение. В борьбе с общественной несправедливостью они видели главную цель. Декабристская революционность возникла на почве патриотизма, была во многом вынужденной, стимулировалась не только либеральными идеалами, навеянными духом времени, но и непоследовательностью политики верховной власти. События междоусобицы подтолкнули членов тайных обществ к активным действиям, которые по преимуществу носили характер вооруженной

демонстрации с требованием конституционных преобразований. Декабристская система политических, гражданских, морально-правовых ценностей обусловила культурно-политическое и нравственное значение декабризма. Декабристы утвердили в умах своих современников и людей последующих поколений отвращение к крепостничеству и произволу властей. Они явились родоначальниками новой политической культуры, способствовали развитию общественно-политической мысли в различных просветительских, либеральных, демократических направлениях. Декабризм оказал несомненное влияние на развитие и характер освободительной идеологии. Подавление движения декабристов способствовало радикализации политической оппозиции, усилению противостояния верховной власти и передовой интеллигенции. Декабристы повлияли на развитие нравственных принципов интеллигенции, в основе которых лежало противоборство общественному злу.

Список использованных источников

Кондаков, И.В. К феноменологии русской интеллигенции // *Русская интеллигенция. История и судьба* / И.В. Кондаков. – М.: Наука, 1999. – С.63–90.

Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М.: Канон, 1998. – 400 с.

Басаргин, Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н.В. Басаргин. – Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1988. – 543 с.

Восстание декабристов. Материалы и документы следствия. – В 18 т. – М.: Гос. Полит. изд., 1925–1984. – 1927. – Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958 – Т. 7. – 692 с.; Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958. – Т. 7. – 692 с.; 1950. – Т. 9. – 308 с.; 1976. – Т. 14. – 508 с.; 1979. – Т. 15. – 350 с.; 1980. – Т. 17. – 295 с.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – В 3 т. – М.: Государственное изд.полит.литературы, 1951. – Т. 1. – 731 с.

Ключевский, В.О. Курс русской истории / В.О. Ключевский. Соч. – В 9 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. – 476 с.

Грибоедов, А.С. Соч. / А.С. Грибоедов. – М.: Худ. литература, 1988. – 751 с.

Ланда, С.С. Дух революционных преобразований... : Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов, 1816–1825./ С.С. Ланда – М.: Мысль, 1975. – 381 с.

Вяземский, П.А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. – 381 с.

Якушкин, И.Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. – В 2 т. / И.Д. Якушкин. – Т. 2. – М.: Правда, 1987. – С. 380–507.

Трубецкой, С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. – В 2 т. – Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд., 1983 – Т. 1. – 409 с.; 1987. – Т. 2. – 604 с.

Лотман, Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 158 – 205.

Рубаник, С.А. Никита Михайлович Муравьев: формирование государственно-правовых взглядов // *Вектор науки ТГУ. № 5(8). 2009*. С. 106–110.

Муравьев, Н.Н. Записки // *Русские мемуары. Избранные страницы. 1800 –*

1825 г./ Н.Н. Муравьев – М.: Правда, 1989. – С. 57 – 157.

Нечкина, М.В. Движение декабристов. – М.: Наука, 1955 / М.В. Нечкина. – Т. 1. – 483 с.

Записки декабриста Д.И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – Спб.: Сириус, 1906. – 464 с.

Радищев, А.Н. Избранное / А.Н. Радищев. – М.: Правда, 1988. – 443 с.

Раевский, В.Ф. О рабстве крестьян // Избр. социально-полит. и философ. произведения декабристов / общ. Ред. и вступ. Ст. И. Я. Щипанова; подгот. текста и примеч. С. Я. Штрайха.: В 3 т. – Т. 2. – М.: Гос. изд-во полит. Лит., 1951. – С. 363–369.

Декабристы. Избр. соч. – В 2 т. / Сост. и прим. А.С. Немзера и О.А. Проскурина. – М.: Правда, 1987. – Т. 1. – 544 с.; Т. 2. – 560 с.

Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

Пуцин, И.И. Записки о Пушкине. Письма / И.И. Пуцин. – М.: Худ. Лит., 1988. – 559 с.

Лебедев, А.А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И.Д.Якушкина / А.А. Лебедев. – М.: Изд. полит. литературы, 1989. – 399 с.

Букчин, С.В. К мечам рванулись наши руки.../ С.В. Букчин. – Мн.: Юнацтва, 1985. – 304 с.

Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в./ Н.М. Дружинин. – М.: Наука, 1985. – 485 с.

Захаров, Н.С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов / Н.С. Захаров – М. Гос. изд. полит. литературы, 1954. – С. 84 – 120.

Лорер, Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов / Н.И. Лорер. – М.: Правда, 1988. – С. 313–545.

Покровский, М.Н. Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избр. Произведения / М.Н. Покровский. – Кн. 3. – 671 с.

Фонвизин, М.А. Сочинения и письма. – В 2 т. / М.А. Фонвизин. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1979. – Т. 1 – 480 с.

Лунин, М.С. Письма из Сибири. – М.: Наука, 1987. – 495 с.

Штейгель, В.И. Сочинения и письма В 2 т.– Записки и письма / В.И. Штейнгель. – Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1985. – Т. 1. – 608 с.